

Он посмотрел на экран компьютера: что за абракадабра там написана?

— Ты занят?

— Угу, — в голосе Лян Чэна проскользнула невольная досада. — Пишу статью.

Цяо Юаньлинь коснулся пальцами его переносицы — даже без хмурых морщинок Лян Чэн излучал отстраненность. Наверное, это врожденное. И вдруг в голове Цяо Юаньлиня промелькнуло выражение лица Эндрю.

Лян Чэн похлопал себя по бедру, приглашая:

— Посидишь со мной немного?

Цяо Юаньлинь качнул головой:

— Нет.

Лян Чэн совсем этого не ожидал. Забыв о гордости и гордыне, он взмолился:

— Сокровище мое.

Мурашки побежали по коже. Цяо Юаньлинь замешкался, но, пересилив себя, жестко отказал снова:

— Пиши сам, а я пойду спать.

Лян Чэн не стал настаивать и остался работать в одиночестве при свете лампы. За окном ночное небо рассекали молнии, серебряные вспышки распускались огненными цветами и растворялись в шуме дождя и ветра.

Прошло больше часа. Подушечки пальцев, стучавшие по клавиатуре, совсем озябли. Наконец Лян Чэн снял очки, выключил компьютер и поднялся.

Проверив воду, электричество и затворы на окнах, он вернулся в спальню. В комнате горел один бра. Цяо Юаньлинь без зазрения совести развалился ровно посередине огромной кровати, откинув голову назад и утонув в провале между двумя подушками.

Лян Чэн тихо забрался на постель, раздумывая, как бы отодвинуть этого парня на край, и вдруг заметил пижамные штаны, брошенные на оттаманку в ногах.

Он провел рукой под одеялом. Кожа была гладкой и нежной. Цяо Юаньлинь тихонько стонал, повернув лицо набок. Линия, соединявшая челюсть и шею, напряглась, и в обрамлении растрепанных волос перед Лян Чэном предстала редкостная, совсем ему не свойственная... сексуальность.

Лян Чэн вглядывался в него несколько секунд, а затем подозрительно приподнял одеяло. Цяо Юаньлинь лежал на спине; мягкая хлопковая пижама задралась на талии, обнажая пупок, а из одежды ниже пояса на нем были только трусы с подвернутым резинкой краем.

На темно-серой простыне ярко выделялась белая веревочка, от которой невозможно было отвести взгляд.

Лян Чэн подцепил ее и потянул.

Другой конец оказался зажат под спиной Цяо Юаньлиня. Тот выгнулся, проснулся и попытался сесть, но сил не было, поэтому он лишь слегка приподнялся.

Лян Чэн вытащил овальную штуковину и, держа ее на весу, спросил:

— Это еще что?

Цяо Юаньлинь мгновенно округлил глаза, еще не до конца соображая со сна, и под хмурым взглядом собеседника пролепетал:

— ...Виброяйцо.

Весь день резать грудные клетки, спасая людей, а потом въедаться в научные статьи... Мозгу Лян Чэна потребовалось время, чтобы переварить услышанное.

— То есть ты отказался посидеть со мной, чтобы баловаться в спальне вот этим?

— Не баловаться... — Цяо Юаньлинь смущенно сглотнул. — Я просто... попробовать.

Лян Чэн вспомнил ту подозрительную черную посылку, и всё встало на свои места:

— Так вот какие «предметы первой необходимости» ты купил?

Цяо Юаньлинь уперся затылком в изголовье кровати и попытался выкрутиться:

— Ну... для «необходимости» тоже подходит.

Лян Чэн не удержался от смеха, но тут же снова разозлился:

— И ради этого ты притащил чертову огромную коробку?!

Цяо Юаньлинь поджал губы, вытянул руку и выдвинул ящик тумбочки. Внутри лежали и другие вещи — сразу несколько видов, включая кучу подарочных презервативов и лубриканта.

Лян Чэн окончательно признал свое поражение:

— Цяо Юаньлинь, о чем ты только думал?

— У меня нет опыта, я боялся, что тело не справится, — ответил Цяо Юаньлинь. — Поэтому решил действовать постепенно и сначала попробовать с маленькой игрушкой.

Лян Чэн навис над ним, его дыхание изменилось:

— Ну и как, попробовал?

Цяо Юаньлинь изо всех сил изображал спокойствие:

— Смешно сказать, оно вообще не влезает.

Лян Чэн не знал, в чем он так провинился, что должен был одновременно подавлять смех и сдерживать вспыхнувшее страстное желание — это просто сводило с ума.

Он приник губами к его верхней губе, а так называемую игрушку с глухим стуком бросил на пол.

— М-м, — отвлекся Цяо Юаньлинь. — Не разобей...

Лян Чэн предупредил его низким, грозным шепотом:

— Лучше переживай о том, не сломаешься ли ты сам.

Сердце Цяо Юаньлиня забилося в бешеном ритме. Он рефлекторно вскинул руку, чтобы прикрыть грудь, но вовремя остановился. Сжав пальцы, он набрался храбрости и обнял Лян Чэна за плечи.

У него было предчувствие — то ли решимость, то ли мольба о пощаде. Забыв про имя, он только и мог шептать:

— Братец... братец...

Лян Чэн нащупал в ящике какой-то тюбик. Не прерывая поцелуев, он опустился ниже, прижимаясь всем телом.

Любовь, похоть, трепетное отношение — всё смешалось воедино, словно от гормонального сбоя. Боясь потерять контроль и переступить грань, он раз за разом мучительно изображал из себя благородного рыцаря.

Но Цяо Юаньлинь, хрупкий и в то же время такой живой, был настоящим несносным сокровищем, которое ни за что не даст ему покоя.

Погружаясь в этот реальный, но похожий на сказку сон и уже не в силах вырваться, Лян Чэн, словно врач перед операцией, озвучил жесткую правду с помощью оставшихся крох разума:

— Цяо Юаньлинь, может быть больно.

А затем под блестящим от слез взглядом Цяо Юаньлиня он ласково и нежно прошептал:

— Но остановиться я уже не смогу.

Лян Чэн лежал на боку. Сквозь сон он почувствовал, как кто-то дергает его за руку. Открыв глаза, он увидел Цяо Юаньлиня, который сонно тянул его за пальцы. Поняв без слов, Лян Чэн подхватил его за плечо и помог перевернуться.

Шел третий час ночи, дождь прекратился. На пятьдесят втором этаже царила полная тишина.

— Чего ты еще хочешь? — едва слышным шепотом спросил Лян Чэн.

У Цяо Юаньлиня не было сил даже шевельнуться, а в горле так пересохло, будто он проглотил килограмм рисовых клецок.

— Пить хочу, — вытолкнул он.

Вода на тумбочке остыла, поэтому Лян Чэн встал, оттолкнув ногой царивший на ковре беспорядок, и сходил на кухню за теплой водой. Вернувшись, он приподнял Цяо Юаньлиня за затылок и, поив его, не удержался от тихого смеха.

Цяо Юаньлинь приподнял влажные веки. В его взгляде сквозь шлейф недавней страсти проскальзывало любопытство, перемешанное с дикой усталостью. Он смотрел на него и медленно хлопал ресницами.

Лян Чэн усмехнулся:

— Такое чувство, будто я ухаживаю за больным.

Отпив воды, Цяо Юаньлинь снова лег и молча закрыл рот, демонстрируя редкое послушание. Лян Чэн лег напротив, подперев голову рукой, а второй ладонью слегка похлопывая по одеялу.

Помолчав немного, Лян Чэн спросил:

— Опять молчишь?

Но Цяо Юаньлинь просто очень стеснялся.

Ему было стыдно всю ночь. Он не хотел издавать ни звука — его тело было мягким и податливым, а характер оставался до безумия упрямым, как бы Лян Чэн ни уговаривал и ни звал его.

Перед глазами Цяо Юаньлиня проплывали картины из прошлого: вот Лян Чэн в белой школьной рубашке словно с неба свалился, чтобы спасти его; вот они в двухэтажном домике ателье ципао; вот они в Седьмой школе и в Дэсинь...

Куда же в итоге делись незабудки, оставленные на той свадьбе?

Пятое августа — памятный день, когда нельзя свидаться ни с кем другим. Лян Чэн признался ему в любви в октябре. А что же сегодня? Вспоминать эту дождливую ночь в начале зимы он наверняка еще долго будет с пылающими щеками и трепещущим сердцем.

Кажется, он плакал — отчасти от физической реакции потерявшего контроль тела, отчасти от того, что несбыточная мечта наконец стала реальностью. Взлелеянные в юности трепетные чувственные мысли в эту ночь слились в страхе и любви, полностью покоровшись боли и нежности, подаренным Лян Чэном.

А еще был стыд, когда Лян Чэн завел его руку за спину, слушая звяканье колокольчика.

Он заснул без сил. Израненные, искусанные губы сомкнулись лишь тогда, когда он почти провалился в небытие, пробормотав напоследок имя Лян Чэна.

Бра продолжал гореть. Лян Чэн изо всех сил старался не путать двадцатичетырехлетнего Цяо Юаньлиня с шестнадцатилетним. Но сам Цяо Юаньлинь совсем спутался со сна: он не понимал, кто перед ним — нынешний Лян Чэн, двадцатилетний спаситель или тот вредный жилец, который обращался с ним как с щеночком.

Цяо Юаньлинь снова проваливался в сон, но не забыл натянуть одеяло повыше, чтобы скрыть смущение.

Лян Чэн стянул одеяло чуть ниже и мягко поцеловал его в лоб.

Цяо Юаньлинь прикрыл глаза и прошептал:

— Братец, обними меня.

Умытый дождем город окрасился в чистые лазурные тона. Утром на небе проступила едва заметная радуга.

Лян Чэна разбудил будильник. Он поднял телефон с пола и отключил сигнал. Будить Цяо Юаньлиня он не стал, а когда в десятом часу телефон зазвонил снова, на экране высветилось: «Главред Бао».

Должно быть, пронзительный голос Бао Чуньшаня пробивался даже сквозь динамик, потому что Цяо Юаньлинь проснулся. Он пару раз повернулся под одеялом и заставил себя открыть глаза. У окна стоял Лян Чэн с беспомощным выражением лица и выслушивал ругань вместо него.

— Извините, — смиренно произнес Лян Чэн. — Он плохо себя чувствует, ему нужен еще один день отгула.

Бао Чуньшань заподозрил неладное и явно не хотел давать разрешение.

Лян Чэн добавил:

— Он вчера очень устал. — Это было чистой правдой, а затем он приплел совершенно не связанный с этим аргумент: — В конце концов, встретиться с Эндрю — задача не из легких, но он справился.

Бао Чуньшань, слушавший это, окончательно утвердился во мнении, что ему несут какую-то дичь:

— Он настолько устал, что даже к телефону подойти не может? Ты вообще кто такой?

Лян Чэн ответил:

— Я его старший брат. Фамилия Лян.

Бао Чуньшань немного помолчал и выключил связь.

«И чего он так взвился?» — подумал Лян Чэн, совершенно забыв о том, как когда-то засунул сынка этого человека в мусорный бак. Он вернулся к кровати. Цяо Юаньлинь, спасаясь от холода, сжался в комок под одеялом. Щеки его пылали неестественным румянцем.

Лян Чэн опустил ладонь ему на лоб — тот был горячим. Он тут же достал градусник: тридцать восемь и пять.

Прошлым вечером он вытер его быстро и осторожно, но, видимо, тот успел простыть, пока лежал раскрытым. Лян Чэн дал Цяо Юаньлиню жаропонижающее и приложил компресс, окончательно превратившись в сиделку.

К обеду Цяо Юаньлинь, находившийся в полузабытьи, снова воспламенился температурой, а съеденную кашу тут же вырвал.

Лян Чэн закутал его в длинный пуховик и повез в больницу ставить капельницу. Из-за непрерывного зимнего похолодания поток пациентов с простудой и лихорадкой не иссякал, и процедурный кабинет каждый день был забит до отказа.

Отстояв очередь и поставив капельницу, Лян Чэн сам поднял пакет с лекарством и повел Цяо Юаньлиня в отделение кардиохирургии, усадив его на диван в ординаторской.